

ХУДОЖЕСТ-

ВЕННЫЙ театр начал свой семидесятый сезон и в Москве, и в Токио. Вот уже семьдесят лет бьется сердце Художественного театра, но по-прежнему реалистическое искусство должно все снова и снова выходить на бой, отстаивая и доказывая свою истинность, свою безграничную способность всесторонне и полно отражать жизнь человеческой души.

Мы прибыли в Японию в дни острых политических столкновений в центре Европы. Нашлись и здесь, на другом конце земли, злонамеренные люди, которые в день открытия сезона и гастролей, в этот волнующий для каждого артиста час, пришли к театру не с открытым сердцем, а так сказать с символическим камнем за пазухой. Когда зрители — а их ежедневно было около тысячи четырехсот — начали стекаться к театру, у подъезда их встретили, не побоясь сказать, фашиствующие молодчики, кричащие в наш адрес оскорбительные слова и размахивающие плакатами с призывом не посещать наши спектакли. Они не только разбрасывали листовки, но пытались и силой не пускать зрителей в театр. К нашему удивлению, они так же быстро расселись, как и собрались. В таких трудных условиях мы начали свой первый спектакль. Конечно, мы не сомневались, что многие из них — фашисты — в зрительном зале, не разжимая кулаков с «каменем».

Художественный театр снискал любовь и уважение на многих континентах и во многих странах. И Япония не стала исключением. Зазвучало за тысячи километров от Москвы гоголевское слово, и запер зрительный зал, превратившись в слух и внимание. Перед отъездом на гастроли меня волновал вопрос: как воспримут японцы несколько неожиданный для них у МХАТе гротеск. Но если гротеск выявляет правду жизни, он не может быть не понят и не принят. В этом я еще раз убедился здесь, в Японии, по реакции такого во многом не похожего на нашего зрителя. Воистину — в правде заключена великая сила.

Кончился первый спектакль. И раздались дружные аплодисменты. И можно было заметить, что даже те, что пришли

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ...

в зрительный зал устроить обструкцию, кто принес за пазухой «камни» недоброжелательства, освободили от них свои руки, чтобы было удобнее аплодировать. И когда после выступлений мы выходили из театра, каждый раз вывели толпу, барьер из людей, но только это был совсем иной барьер: дружеские руки ловили и пожимали наши руки, на нас нацеливали кино- и фотообъективы всех систем, и было видно, не для коллекции, а чтобы сохранить какой-то знак нашего общения, кусочек овеществленного человеческого тепла. Те, кто пытался преградить путь к театру, были побеждены силой нашего внутреннего убеждения, силой правдивого искусства.

Уже после первого спектакля видные деятели искусства и литературы Японии выразили нам свое восторженное отношение, особенно подчеркивая, что, даже не зная языка, только по выразительности движений они понимали и смысл спектакля, и его сквозное действие. И мне тогда невольно припомнились слова Станиславского о том, что если театр силен в своем искусстве, то его можно понимать, даже не слыша текста, как бы за стеклянной стеной — правду жизни можно читать по выражению глаз, по движению рук. Японские зрители подтвердили нам, что эта правда была ими понята.

Бывали неожиданные коллизии и встречи. Большой знаток русской литературы и искусства, поклонник Художественного театра и старый знакомый многих мхатовцев (не будем упоминать здесь его фамилии) присоединился, как нам сказали, свой голос к хору недоброжелателей, высказавшихся о событиях в Чехословакии. Поэтому мы удивились, увидев этого человека на наших спектаклях и даже за кулисами. На первых встречах он отводил взгляд, стараясь не глядеть в глаза своим старым знакомым. Потом с течением дней (он почти ежедневно приходил в театр) его поведение стало меняться, он уже

не прятал глаз, а его восторг и иные слова о силе мхатовского искусства становились все горячее. Что же это — человек с раздвоенной совестью? — думал я. Оказывается, свою подпись он

поставил вынужденно, потому что иначе лишился бы внимания своего окружения, а то и работы. Трагичная зависимость — какое это порабощение духа!

Может быть, нам следовало бы погордиться тем, что, где бы мы ни играли — в Токио, Осаке или Киото, своеобразное искусство МХАТа не потерялось в калейдоскопе броских, кричащих, модернистских и формалистических новаций, что его не заслонило даже традиционное и любимое японское театральное искусство. Нет смысла в короткой газетной статье вдаваться в подробности оценок японской прессой гастролей театра: основные мысли были процитированы в наших газетах.

Где бы мы ни играли наши спектакли в этот знаменательный для нас год, мы ни на минуту не забываем о том, что юбилей — это не только радость, но и ответственно. И поэтому, успокоив себя после приятных волнений успеха, мы говорим себе: критике — время, наслаждение — успехом — час.

Итак, японские гастроли окончены.

Да, нас встречали настороженно, а когда мы собирались отпавать домой, в порту Иокогама у борта нашего теплохода стояла громадная толпа провожающих, приехавших проститься с Художественным театром. В толпе мы узнавали уже ставшие знакомыми лица. С берега к нам летели ленты серпантин в таком количестве, что образовалась густая сеть — таков традиционный символ связи отъезжающих и остающихся, земли и воды. Но я думаю, что не эти тонкие бумажные ленточки сильнее всего скрепили наши сердца — есть у Станиславского одна замечательная мысль, ее часто цитируют, потому что она не перестает поражать своей глубиной и точностью: театр — лучшее средство для общения народов между собой, для понимания их чувств. В Японии мы убедились в этом еще раз.

Б. ПЕТКЕР,
народный артист СССР.